

Асель

Омар

NOTA BENE

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА ГАЛЕРЫ «НЕПТУН». МОРСКОЙ ПУТЬ.

Черные камни, уходящие в воду, провожают последние закатные блики солнца, марево низких облаков застилает морской горизонт, раскаленный шар солнца вспыхивает тонкими прямыми лучами сквозь облачные густые узоры, окрашивая воду золотом. Каспий говорит с тобой так, будто ждет тебя и хочет раскрыть свои тайны. Волна накатывает за волной, мерно и тихо, золотой песок летит за ней и снова возвращается, бесконечное число раз. Белые чайки смотрят вдаль, будто ждут вестей издалека, терпеливо, долго. Счастливы те, кто видит каждый день и каждую ночь эту красоту. Счастливы те, кто помнит о прошлом и без страха смотрит в будущее. Звезды отражаются в воде, качаются на волнах. Огни порта зажигаются в ниспадающей темноте.

* * *

Ранним утром лета 1347 года Фархад, молодой дипломатический тайный посланник, стоял на берегу Яика, на пристани, ожидая галеона из Малого Сарая. В его камзоле был вшит конверт с бумагами, о содержании которых он не знал. Чайки кричали в воздухе, рассвет едва брезжил. Внезапно он увидел горящий шар, пересекший розовеющее небо. Следом откуда-то издали, со стороны залива со свистом пролетел еще один, и еще. Вспыхнула городская башня, из города донеслись крики горожан. Фархад не имел права покинуть пристань и вернуться в город, не дождавшись корабля. Он напряженно вглядывался вдаль, пытаясь понять, что происходит. Не в первый раз он исполнял свое поручение, однако такого тревожного чувства ранее не испытывал. Чугунные цепи пристани хранили молчание, корабля все не было, и это означало, что с ним случилась беда.

В утреннем тумане над водой он разглядел, наконец, что пушечные ядра с горящей нефтью и известняком посылает неизвестное судно, похожее на призрак. Черный силуэт корабля-призрака приближался к городу неумолимо быстро, с мощью невиданной. Это была иноземная галера, какие обычно волоком катят два дня по земле с Каспия. И там, вдали, на горизонте, польхал пламенем подожженный пиратами галеон из Малого Сарая.

В глазах посланника отразился злобещий огонь горящих ядер и пороховой дым. Да, несомненно, это был генуэзский корабль «Нептун», об этом говорила удлиненная форма кормы, крылатые львы на гербах, узкие легкие бомбарды и скошенный латинский парус. Нападение было столь внезапным, время было выбрано настолько подлое, что не оставалось сомнений: это был пиратский корабль. Возможно, это было судно самого Лучиано Косты, чье имя нельзя было произносить вслух с тех пор, когда расстроились отношения Золотой Орды и Генуи. И теперь пиратские пушки целились по камышовым крышам, которые вспыхивали мгновенно, приводя население в ужас. В городе началась паника.

Фархад видел, что команда «Нептуна» перебросила на берег трапы, по ним сновали черные людские тени. Посланник не успел опомниться, как был схвачен: из темноты сзади на него спрыгнули двое, повалили с ног, ругаясь по-итальянски, связали и потащили на корабль. Все заглушал грохот орудий, крики верховых, появившихся из городских ворот, свист стрел, летящих с башен. Голос одинокого минарета с рабада возвещал о беде, пороховой дым застилал глаза. Сердце Фархада билось в страхе за мать и отца, оставшихся в доме, но он, если бы даже и мог, все же не имел права изменить путь своей сегодняшней миссии, пусть даже ценой собственной жизни. Но теперь он, связанный, был брошен в трюм, пропахший гниющим деревом и крысами.

По палубе носились маринеры, их крики и топот перемешивались с пушечной пальбой. Вскоре в трюм бросили юную девушку, по-видимому греческой крови, и мальчика лет десяти, имевших несчастье попасться на глаза морским разбойникам сегодняшним утром. Далее путь таких несчастных лежал обычно в Тифлис, далее в Каффу, на невольничий рынок, а затем живой товар отправлялся в Европу. Легкая и маневренная, галера, подняв паруса, исчезла с пристани так же быстро, как и появилась.

Гречанка, привязанная к рангоутам, стонала что есть мочи. Руки посланника были крепко связаны тросом за спиной.

– Ты можешь подойти? – спросил Фархад у мальчика. Тот вытер слезы, опасливо посмотрел вверх, где собралась вся шваль и голытьба, которую разорившийся аристократ Лучиано подбирал для своих грабительских набегов, и откуда сейчас доносился топот ног и матросская брань, и проскользнул к Фархаду.

– Достань клинок, – Фархад показал глазами, и ребенок вынул у него из-за пазухи короткий морской нож. – Как тебя зовут?

– Касым.

– Освободи меня... осторожно... тихо, понял?..

Крохотными ручками, пыхтя от усердия, мальчик освободил посланника. Фархад сжал в руке клинок. Сверху послышались шаги, палуба закрипела, в открывшийся люк хлынул поток солнечного света. Как только матрос спустился в трюм, будучи уже хмельным от удачного похода, на ходу расстегивая штаны и приближаясь к девушке, рука Фархада оборвала его жизнь, метнув из темноты в разбойника клинок. Девушка не успела и вскрикнуть, как посланник закрыл ей рот рукой:

– Я вытащу нас всех отсюда, если вы будете молчать.

Вещи, стянутые с пьяного матроса, Фархад наспех надел на себя. Быстро перебрал бумаги из своего камзола в карман пиратской куртки. Он знал, что государственные бумаги стоят больше, чем жизнь девушки, маленького Касыма

и его самого вместе взятых, и у него нет, стало быть, другого выбора, кроме как доставить конверт в Малый Сарай. Он готов был пойти и на корм рыбам, потому как посланников не оставляют в живых, если они не выполняют поручения. В любом случае этим утром жизнь его вообще ничего не стоила.

Он выбрался из трюма, словно кошка, одним прыжком, схватил недопитую бутылку, катавшуюся по палубе, крикнул по-итальянски: «*Accidenti a tutti voi!*», что означало «Черт бы вас всех побрал!», и, запрокидывая голову, будто бы отпивая из бутылки, выбрался на палубу, незаметно оценивая обстановку. Отчаяние завладело им: команда была большой, около тридцати матросов были заняты разбором награбленного.

И вдруг прозрачная, тихая, никем не видимая, кроме Фархада, возникла на фоне светлеющего неба фигура святого Хизра, Зеленого Всадника, спешившегося и ведшего под уздцы своего коня. Конь осторожно ступал по залитой солнцем палубе, обходя маринеров, деливших добычу. Видение ли это было, или так отчаянно искал посланник спасения, что сам Хизр явился ему на помощь, но Фархад прошептал:

– Помоги мне...

Хизр оставил коня и двинулся меж матросов, навевая на них сон, как он умел это делать, и вслед за его поступью один за другим они повалились, кто где, в глубокое беспамятство, храпя и постанывая, как будто им снился только что совершенный набег.

– Тебе некуда бежать, – сказал Хизр.

– Я поведу корабль, – Фархад упал перед ним на колени. – Только не оставляй меня!

– У тебя мало времени, Фархад. Ступай. На капитанском мостике – никого.

И в тот момент, когда Фархад уже взялся за колесо, его окликнул голос, который он мог бы узнать из всех итальянских голосов:

– Отпусти штурвал.

Фархад обернулся и увидел морского дьявола, Лучиано Косту, смуглого и зеленоглазого, в заложницах у него была гречанка, у горла ее капитан разбойников держал морской нож.

– Ребенок связан, и он в трюме, – сказал Коста, глаза его блестели злым огнем.

– Со мной твоему святому не справиться, его видим и ты, и я. Что за бумаги торчат у тебя из кармана? Судя по той одежде, что брошена в трюме, к нам попался посланник хана Джанибека? Славная добыча. Отдай конверт, и может быть, я помилую этих двоих. Но не тебя.

Фархад метнул в Косту свой клинок, но клинок пролетел сквозь него, будто Коста был прозрачный. Разбойник расхохотался, не отпуская ножа от девушки. Говорят, в этот момент Коста обернулся и от неожиданности выпустил девушку из рук: он услышал звук меча, который взметнул над ним Хизр, ведь меч Хизра звенит, разрезая воздух. Но, как и воздух, невредимый, ускользал от удара Коста. Фархад понял, что и Хизру не под силу справиться с разбойником, потому что Коста был не человеком, а самим дьяволом.

Говорят, когда молодой посланник направил судно на скалы, чтобы покончить со всей командой вместе с Костой, над морем сгустилась ночь, и галера «Нептун» приняла первый удар корабля «Саладин», высланного из Малого Сарая на подмогу. «Нептун» был взят на абордаж. Как сквозь сон Фархад видел: пала девушка под

ударом Косты, гемиджи – военные матросы «Саладина» – по команде заполонили молниеносно пиратскую галеру. Захваченных пиратов перекидывали через борт корабля, связав им руки, в шлюпки. Фархад очнулся, только когда рука комита, распорядителя с «Саладина», крепко взяла его за плечо, и комит спросил:

– Ты можешь идти?

Фархад запахнул камзол, нащупав конверт.

– Торопись, мы не можем ждать, – сказал комит.

Поддерживаемый им, Фархад перешел на свое судно, и в ту же минуту «Саладин» выпустил по «Нептуну» из пушек град горящих нефтяных шаров.

– Там Касым! Ребенок! – крикнул Фархад, бросившийся было обратно на пиратское судно.

– Тебе нельзя туда, – его схватили за руки, он рвался на горящий корабль, кричал о ребенке, но его держали, думая, что у него помутился рассудок. – Теперь время нашей работы, не твоей...

Как в тумане видел Фархад пленение пиратов, слышал звук клинков, и все прижимал к груди конверт. Генуэзская галера наконец вспыхнула, словно факел, и гребцы «Саладина» нажали на весла, дабы спасти судно от падающих горящих мачт «Нептуна».

По прибытии в город Фархад увидел, что с палубы вынесли тела двух жителей Сарая Бату – девушки и мальчика, которых морской дьявол успел приговорить к смерти жестоко и скоро.

Посланник доставил конверт во дворец Малого Сарая, куда прибыл с верховными, ожидавшими его на пристани. Какова же была его горечь, когда он узнал, что письма, которые он вез, оказались стихами некоего высокопоставленного чиновника к его любовнице, где тот зарифмовал свои пылкие чувства к «цветку своей души», стилем необыкновенно безвкусным, ее «пылкие ланиты» и «бархат глаз». А после глухая тоска овладела, когда он осознал, что стоило ему отдать бесталанные вирши Косте, и два человека, маленький Касым и гречанка, которую опознали как Евфимию, дочь гончара, были бы, возможно, живы сейчас. Но он никому не мог сказать об этом, потому как дело было сделано. Да и посланники держат обет молчания о своих делах. Но сердце его содрогалось от мучительных сожалений, а разум от проклятий в адрес того дня, когда он вступил на службу, покинуть которую он теперь не мог до конца жизни.

В день, когда Фархад сошел на берег, он зашел в чайную, где, заказав еды, привалился на подушки и устался невидящим взглядом вдаль. Он задремал, и картина битвы Хизра с морским разбойником, стоявшая перед его глазами, стала уходить вдаль, становясь едва различимым сном. Засыпая, он понимал, что все это и было сном, никакого Хизра не существует, это была лишь работа его напряженного сознания в минуту смертельно опасную и безысходную. И тут он почувствовал жжение в ладони. Он раскрыл ладонь – в ней лежала монета с изображением всадника на коне, и эта монета была горячей. На ладони появились слова: «Тебе некуда бежать».

Позже, в те минуты, когда он вспоминал произошедшую с ним историю, монета, которую он носил под одеждой на груди как талисман, становилась горячей. Слова, которые появились на его ладони, так и остались на ней навсегда. И он просил, чтобы Зеленый Всадник молился перед Всевышним за души тех двоих погибших ни за что, их посланник не смог забыть никогда. Всякий раз, когда ему

приходилось по службе пересекать морской простор, монета грела его и напоминала, что бежать ему, действительно, некуда. Не зря на Востоке помнят слова Руми о Хизре: «Он знает, что делает, пусть разрушит корабль, – не промолви ни слова, не будь малодушным, не будь нежным, как вода, и рыхлым, как земля». Фархад старался следовать этим словам.

Тело Лучиано Косты после гибели галеры «Нептун» не нашли, говорят, разбойник так и бродит по волнам Каспия и Яика, пугая своим завыванием ночные корабли и в слепой ярости потопляя небольшие рыбацкие шхуны.

* * *

Порт сверкает ночными огнями, вверх уходят стрелы кранов, и корабль замер в отдалении на глянцевах бликах спокойной водной глади. Вечерние облачка отражают розовый свет огней, огромный порт отдыхает, чтобы завтра снова зашуметь парходными гудками, скрипом стапелей, стуком вагонеток, под крики чаек – тонкие, беспокойные, тонущие в высоком небе.

ДОРОГА КВИНТА

Саки, пасущие агнцев, рождением – скифы,
хотя и номадов потомки, но непорочных людей...
Страбон, География

О войне напомнил много лет спустя римский триспаст, найденный близ села Мойынкум и выставленный в музее города Тараз. Это легкое приспособление, в основе которого – обычный рычаг с металлическими клещами для захвата груза, применялось при строительстве дорог, домов, крепостей и стен. Собственно, только клещи и ворот сохранились в целости, деревянные балки были реконструированы. Хранитель музея, строгий молодой человек в роговых очках, любезно разрешил покрутить колесо. Тихое поскрипывание инструмента волнует неимоверно, фиксируя явление феноменологии личного опыта. Скрип-скрип... Чем не личный опыт? И еще раз – скрип-скрип...

- Как тебя зовут?
- Квинт, я пятый ребенок в семье.
- Где твоя семья?
- Очень далеко.
- Ты уже совсем старый.

Они говорили так впервые с девочкой Арией. Теперь Квинту тридцать пять. Двадцать лет назад он выдвинулся в поход в составе легиона. Река несла свои воды, как она делала это всегда. Он смотрел на себя в зеркало воды. Шрамы и солнце сделали его лицо грубым. Он в последний раз проведаль вино, приоткрывая одну за другой крышки вкопанных в землю кувшинов. Запах вина. Тень осеннего виноградника на сухой земле.

Женой он называл девочку-сироту, жившую приживалкой при дяде. Квинт выкупил ее из жалости. Ария пришла, позвала к столу. Она знала, что скифы произошли от брака Геркулеса с полудевой-полузмеей, хотя ее дядя говорил, что это все греческие выдумки. И вот пришло время, когда Квинт решил. Он опасался, что жена его не выдержит пути до Рима, и молился о ее здоровье. И

в тот день, когда он посмотрел на свое отражение в водной глади реки, он знал, что завтра они на двух лошадях, купленных им на деньги, прибереженные от продажи вина за долгие годы, покинут эту землю. Землю, где он нашел боевую славу, плен, работы на каменоломнях. Землю, где он пережил одиночество после того, как ему даровали свободу, где он растерял всех друзей после того, как из солдата империи превратился в деревенского винодела Таласской долины. Он был у Луция, который тоже потерял их общую родину и стал караванщиком, и попросил присоединиться к каравану, идущему на Танаис. Луций открыл список караванов, вписал имя Квинта и оставил на полях пометку *Nota bene*, чтобы не забыть.

Так оно и свершилось, и рано утром вместе с караваном они ушли, старый Квинт и его юная жена, с их лошадей свешивались мешки с припасами еды на долгую дорогу. За пазухой у него были монеты, на которые он сможет купить других лошадей и заплатить корабельщикам за переправу по Азову, а там как повелят боги, так и будет. От Понта он наймется на корабль гребцом, и они ступят на землю его императора Красса, погибшего в Азии, на землю нового императора, ставшего на его место. Он снова присягнет империи, прося крова для старого солдата. Так и свершилось, и к сорока годам Квинт с женой прибыл на Итаку.

ДОРОГА ИЗ ФАРАБА

Из сообщения «*Ex libris Alfarabius*» Тургута Ордумелика, помощника судьи (295 год хиджры, седьмого дня месяца Нисана)

В этот день мы к назначенному часу явились на торги, где выставлялись манускрипты. Названия были вывешены на дверях. Мой учитель сказал, что одна книга интересует его более всего. Название у нее было «Вторая аналитика», и учитель с волнением ждал аукциона. Какова же была его радость, когда книжка Аристотеля досталась ему за сущие копейки, потому как учитель мой оказался единственным на торгах, кто пожелал купить ее. Возбужденный покупкой, он бежал скорее в суд, где у него была маленькая комнатка, с небольшим окном, столом, стулом и подставкой для бумаг, и я еле поспевал за ним. В прохладе комнаты учитель сел за столик, раскрыл книгу и занялся чтением, позабыв про меня. Я принес ему чая и, предполагая, что он забудет про еду и питье на несколько часов, все же решил остаться, чтобы напомнить ему про хлеб и зелень, которые ждали его с утра и так и остались нетронутыми.

Еще одна серьезная оказия случилась с моим учителем. В те дни, пока, склонившись, сидел он над книгой Аристотеля, по рассеянности, свойственной ему в быту, он позабыл совершенно, что надо было явиться к невесте, которую сосватали ему родители. Напрасно прождали его сваты. Оскорбленный отец девушки поклялся сделать его своим кровным врагом вовеки. Что поделать, учитель мой и на это не обратил внимания, хотя отец был чиновником халифа.

Однако же дела библиотеки складывались таким образом, что сокровищница ее пополнялась быстро и удачно, и я по заданию учителя целыми днями, а то и ночами, вносил в каталог все новые наименования изданий, что добывал учитель на распродажах и торгах. Кроме того, курсив *наسخ* был утвержден халифом, и из городской казны, по настоянию учителя, были выделены средства для печатания

собственных книг с символом города. В связи с этим учитель днями пропадал в печатном дворе. Ночами же он работал над своей рукописью о вакууме, и когда я выразил обеспокоенность его здоровьем, которое могло пострадать при такой напряженной работе, он ответил, что город жив, пока жива его библиотека, и что торговля, которой живет Отрар, имеет связь с получением знания, иначе она не будет успешной. Занимаясь переписыванием рукописей учителя, я понял его мысль, в то время отвергнутую в нашем городе, – исходным моментом познания является момент чувственного индивидуального восприятия. Спустя годы я не раз вспоминал слова учителя, и горько сожалею, что не уделили мы еще больше внимания библиотеке нашего города, поскольку она могла прославить его еще больше и подарить миру не только открытия, сделанные моим великим учителем, но еще больше других, таких, какие совершили Ибн Корра из Багдада или Бируни из Хорезма.

Учитель занимался штудированием логики. Опираясь на нее, почитая ее, он жил, он дышал ею, испытывая неподдельную радость от того, что мысль человеческая открыла для себя эти законы красоты, стройности и гармонии, и щедро делился своей радостью со мной. Я понимал, что суть философии есть любовь к человеку, и эта мысль грела меня в самые тяжелые минуты нашей жизни. Учитель зажег во мне огонь радости открытий, приближения к истине, и с тех пор я всю жизнь, вслед за неоплатониками и моим учителем, посвятил делу развития философии, науке наивысшей и прекрасной.

Путем алгебраических вычислений, размышлений над Аристотелем, а также над трудами вышеназванных ученых, учитель завершил, наконец, свой труд по устройству вселенной и опубликовал его. Помню свой восторг, когда я принял первый экземпляр этого драгоценного труда в печатном дворе, как дрожали от волнения мои руки, как пламенел разум перед открытием, которое мне только предстояло осознать во всей его полноте, ибо понять сразу мысли учителя было мне, молодому тогда человеку, еще не под силу. Но я понимал, что стою на пороге великой науки, и дверь в нее открыл для человечества мой учитель, служивший судьей и ежедневно успевавший в утренние часы с приложением мудрости и знания разбирать дела торговцев, вопросы о наследстве, тяжбы о грабеже и насилии, когда я имел честь быть его помощником.

«Он считает планеты шарообразными!», «Что? Он считает планеты шарообразными?», «А ведь он считает планеты шарообразными», «И землю он считает шарообразной!», «Что, и землю?», «Да, именно так!». Шепот плыл над городом, словно дым, обвивая его, залетая в окна, плетясь вдоль каменных стен, плывя над головами, разносясь повсюду. «Мы должны изгнать его», «Мы должны изгнать его», «Пусть скажет спасибо, что мы не казним его», «Да, пусть благодарит, что мы не казнили его!», и снова шепот полз по городу, пока имам вслух не произнес решение: «Постановляем изгнать его из нашего города». «Слава Всевышнему!», «Да свершится воля твоя!», «Аллах да спасет нас от дьявола!», «Да он такой же богохульник, как Аль-Балхи, как Абу Баقر Ар-Рази!», пронеслось по рядам присутствующих. В этот день мой учитель и я покинули город Отрар, погрузив книжки на лошадей. Сколько мы могли взять с собой книг? К несчастью, мало, четыре небольших ящика, куда, проложив сеном, мы собрали наши сокровища, не имевшие большой ценности для города, но составлявшие огромную ценность для нас. Четыре ящика, привязанные веревками к седлам наших лошадей, четыре

ящика мыслей на арабском, персидском, греческом и тюркском наречиях. Это золото мира покачивалось в такт конской поступи, на пути нашем в Бухару. Кто предвидел, что город Отрар погибнет? И снова вспомнились мне слова учителя: село погибнет без кузницы, город – без библиотеки. Погибла библиотека, вместе с ней погиб от руки Чингиса и Отрар. Но когда библиотека погребена под песками, то и город есть там же.

Мы мечтали далее попасть в Багдад, отдав себя в руки провидению. Какие трудности ожидали нас на пути, мы еще не знали, ведь когда ты занят поиском истины, трудности не имеют значения, как говорил мой учитель, великий книжник, скромно называвший себя аль-Фараби, что значит «житель Фараба».

ПУТЬ ИСЦЕЛЕНИЯ

Рукопись «Об Искандаре и Селимее» сухо сообщает об участии в военном походе двух сотников золотоордынского войска и о гибели первого на поле брани, что говорит о том, что документ этот имел характер отчета о действиях войска и предназначался для получения платы за отданную жизнь в качестве компенсации от властей. Селим довольно подробно описывает обстоятельства гибели своего брата, указывает на характер ранения от удара «литовским мечом в область шеи», отчего брат его принял смерть мгновенную «во имя Всевышнего и во славу великого хана». О своих собственных подвигах Селим умалчивает, о них можно лишь догадываться лишь по небольшому эмоциональному отрывку: «одна рука так и осталась висеть плетью и иссохла, о ранах моих не сожалею, ибо мое возмездие врагу они несли с собой».

В тексте значились две расписки, одна о получении Селимом средств в казначействе на имя вдовы брата Искандара, вторая была о передаче средств той самой вдове: «В городе Каффа лета 765 года хиджры подпись эту подтверждаю, сотник Селим, с тех пор, как хан Джанибек, да пребудет с ним слава, запретил чеканить монету в Азаке, Крыме, Болгаре, я, Селим, обратил золото в монеты, чеканенные в Гюлистане, и передал вдове брата моего Искандара, погибшего на реке Синие Воды в битве с войском Ольгерда, чему я был свидетелем».

Небольшая круглая монета, которую в последний раз держал в руках сотник, была покрыта рубленными буквами, гласящими: «Царство принадлежит Богу», надпись увенчивала решетка в форме лилии. Эту монету Селим забрал с собой в свой родной город Каффу, где и скончался в 778 году хиджры, о чем имеется запись, подписанная генуэзским консулом Энрико де Грегио. Внимания консула Селим удостоился, поскольку стал известен тем, что после посещения караимской кенассы и омовения своей руки в водах источника на территории храма исцелился, и рука его ожила.

